

Андрей Марцев

14.12.2015, 19:14 Саратовская область

свой опыт

Центр «Э» искал повод, и он его нашел

17 декабря в Саратове начинается суд по делу активистов движения «Народная воля» Андрея Марцева и Кирилла Каблова. Их **обвиняют** в вандализме, который выразился в осквернении бетонной плиты нанесением на нее символики Украинской повстанческой армии (УПА), запрещенной в России. Мы публикуем рассказ Марцева от первого лица.

12 июля 2015 года я и двое моих соратников, Кирилл Каблов и Дмитрий Крайнов, примерно в одно время были задержаны в разных концах города. В задержании участвовали исключительно сотрудники ГИБДД и ЦПЭ.

Все трое задержанных были привезены под мост Саратов — Энгельс, а после моего звонка в Управление

собственной безопасности по Саратову с сообщением о незаконном задержании нас троих поспешно погрузили в служебные автомобили ГИБДД и увезли в отдел полиции № 1 по Волжскому району Саратова.

После того, как нас доставили в отдел, мы были переданы дежурному по разбору, который под чутким контролем ЦПЭшников отбирал у нас объяснения на предмет того, где мы находились последние несколько часов и при каких обстоятельствах мы были задержаны. Лично меня в тот вечер сотрудник ЦПЭ Мешанков силой вытащил из маршрутного такси, в котором я направлялся домой.

В отделе у нас также был проведен досмотр, в ходе которого были изъяты флешкарты, агитационные материалы, планшетный компьютер, пара «визиток Яроша» и нож («визитки Яроша» — сувениры в виде магнита на холодильник. Их стали распространять в Киеве после того, как в сообщениях российских СМИ о столкновениях в Славянске было сказано о визитках лидера «Правого сектора» Дмитрия Яроша как о важнейших уликах, найденных среди вещей атакующих — *ОВД-Инфо*). Через три с лишним часа мы все были отправлены домой без предъявления каких-либо обвинений.

Утро 27 июля началось со стука в дверь сотрудников ЦПЭ, которые явились в отцовский дом с обыском. Сразу хочется заметить, что по этому адресу я не был прописан и не проживал, а в доме не находилось ни одного человека, который хоть как-либо юридически относился бы к этому помещению. Но никакие доводы не остановили сотрудников, и мне было предложено выдать агитационные материалы и все, что хоть как-то относится к оппозиционной деятельности, либо к Украине. Я ответил (конечно же, в мягкой форме), куда следует пойти сотрудникам полиции с такими предложениями,

и посоветовал им на свой страх и риск искать подобные предметы в постороннем доме самостоятельно.

Неудивительно, что в ходе обыска были изъяты вещи, не имеющие отношения ко мне, а именно системный блок, модем для выхода в интернет и десяток сломанных сотовых телефонов, принадлежащих моему отцу. Из моих вещей были обнаружены лишь несколько политических брошюр и пневматический пистолет, в конечном счете признанный экспертами неработающим.

Сразу же после обыска, я был доставлен в уже практически родной отдел полиции № 1, где и узнал, что обыски также были проведены в квартире, где я прописан, но не проживаю уже около пяти лет, у моего друга Каблова и по месту прописки Крайнова, где, как оказалось, он также не проживает уже много лет. Далее дознаватель старший лейтенант Липатова, сыгравшая в этой истории огромную роль, провела допрос на предмет причастия меня и Кирилла Каблова к «проукраинским» граффити, которые появились недалеко от набережной Космонавтов 12 июля (в день нашего задержания). Уже тогда майор ЦПЭ Алексей Кузин в личной беседе заявил мне, что я наконец-то попался и избежать «трешечки» у меня не получится (сейчас нам предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 214 УК РФ, которая как раз предусматривает наказание в виде лишения свободы до трех лет).

Кирилл Каблов

В тот же день был допрошен и Каблов, Крайнова же сотрудники полиции не смогли найти. Впоследствии он сам явился в отдел полиции, но уже дал показания в качестве свидетеля, так как у сотрудников полиции не было никаких доказательств его причастности к этому событию.

Дмитрий Крайнов

У нас же началось долгое, но очень веселое следствие. Бесконечные допросы, очные ставки, ознакомления с результатами психолого-лингвистических экспертиз, изъятых во время обыска дисков и брошюр, экспертные заключения и поиск экстремистских материалов на изъятых компьютерах, флешкартах, планшетах и телефонах. Все это закончилось допросом на предмет нашего участия в оппозиционной деятельности в родном городе, а также нашего отношения к событиям, произошедшим и происходящим в Украине, что не может иметь никакого отношения к делу по инкриминируемой нам статье.

Вечером 1 октября на меня было совершено нападение. К тому времени в нашу поддержку в России, а также за ее пределами проходили всевозможные акции. Например, в украинской Виннице и белорусском Минске активисты международного движения «Народная Воля», в котором мы также состоим, провели серию одиночных пикетов с целью привлечения внимания к нашей проблеме. Конечно же, сотрудники местной гэбухи знали о том, что происходит. Сотрудник областного ФСБ даже похвалил нас, заявив, что он лично никак не ожидал, что будет развернута столь масштабная кампания в нашу поддержку.

Само же нападение я связываю только с уголовным делом, о чем неоднократно заявлял в СМИ, так как при нападении у меня при себе находилась приличная сумма денег, несколько сотовых телефонов и планшет, но ничего из этого нападавшие так и не взяли. Подробности вот [тут](#).

Сейчас я и мой соратник Кирилл Каблов находимся в статусе обвиняемых, третий наш товарищ свидетель. Сказать, что мы единодушно считаем заведенное в отношении нас уголовное дело политически ангажированным, — это ничего не сказать. Нет никаких сомнений, что так оно и есть. Все мы участники множества

протестных акций на социально и политически значимые темы, были противниками действий российских войск в братской Украине, да и остались таковыми. Но самым главным доказательством политической мотивации данного уголовного дела является то, что практически половину второго тома занимает прослушка телефонных разговоров Кирилла Каблова, начатая еще в мае 2015 года в связи с тем, что не было достаточных доказательств для привлечения его по ч. 2 ст. 282 УК. В деле фигурирует прослушка, всевозможные разрешения на рассекречивание этих данных и, по всей видимости, копия копии постановления о разрешении ведения прослушки в связи с недостаточным количеством доказательств для возбуждения дела против Каблова. Мы не понимаем, почему они могли хотеть возбудить против него дело, самым очень интересно. Но, видимо, им очень хотелось. Теперь уже понятно, что сотрудникам ЦПЭ, которые нас задерживали, доставляли, проводили обыски, а после, по всей видимости, еще и составляли вопросы для допроса об отношении к Украине и участии в оппозиционной деятельности, нужен был лишь повод. И они его нашли.

Уголовное дело об осквернении плиты

На двух активистов движения «Народная воля» заведено уголовное дело по обвинению в вандализме.

2 9

Ещё почитать

09.02.2026 Саратовская область

Правозащитника из Саратовской области
Бориса Ушакова арестовали по новому

уголовному делу